

Любопытно, что против изъятия записи выступили даже те, кто больше всех от нее пострадал. Председатель Петербургского еврейского центра А. Френкель вступил в полемику с бывшим главой Государственного комитета по делам национальностей, директором Института этнологии и антропологии В. А. Тишковым⁵⁹, который в своей статье «Прощание с пятым пунктом» писал, что человек «становится татарин, чеченец, якут, русский в процессе воспитания...», а запись в паспорте имеет дискриминационный характер, что испытали на себе многие народы и, в частности, евреи. В ответной статье с неожиданным заголовком «В защиту “пятого пункта”» А. Френкель отстаивает мнение, что «наличие записи о национальности в паспорте является важным психологическим фактором для многих людей, лишенных возможности жить в соответствии с национальными традициями, но испытывавших внутреннюю потребность в национальной идентификации»⁶⁰. Другими словами, с его точки зрения, эта запись помогала сохранять этническую принадлежность. Забота о сохранности связи с историческими корнями — общее место в установках противников отмены графы. Вместе с тем показательно, что по данным этносоциологического исследования, проведенного в 1988 г., почти четверть русских «затруднялись ответить, что их роднит со своим народом кроме “пятого пункта” в паспорте»⁶¹. Можно сказать, что запись в советском паспорте («паспортная национальность») в конечном итоге приобрела самостоятельную ценность и сама по себе стала существенным компонентом в формировании этнической идентичности.

Фотографирование на паспорт

Подготовка к получению паспорта включала необходимость фотографирования. Практики, связанные с фотографированием на паспорт, имели специализированный, чтобы не сказать «прикладной», характер. Нас будут интересовать смыслы, которыми

⁵⁹ Тишков В. Прощание с пятым пунктом // Независимая газета. 1997. 22 окт. С. 2.

⁶⁰ Френкель А. В защиту «пятого пункта» // Независимая газета. 1997. 10 нояб. С. 6.

⁶¹ Стефаненко Т. Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности // Флогистон (www.flogiston.ru/projects/articles/etiic.shtml) — Дата обращения: 24.06.2017).

в короткое время были наделены и процедура фотографирования на паспорт, и сама паспортная фотография.

Паспортная фотография — особый вид изображения, и ее специфичность вполне сознается, о чем свидетельствует, например, распространенное выражение: «есть фотографии, а есть фотографии на паспорт». Если «обычные» фотографии делаются главным образом «на память», то у паспортной фотографии вполне определенная прагматика: она предназначена для идентификации личности. Для этого, как известно, лучше всего подходят фотографии, на которых человек выглядит по возможности естественно⁶². С этой точки зрения паспортные фотографии оказываются менее всего пригодными, поскольку владельцы паспортов, осознанно или нет, прилагают все усилия, чтобы выглядеть на них иначе, чем в обычной жизни. Результат оказывается на удивление однообразным:

Как-то на всех паспортах моих друзей и знакомых, родственников все они выглядят гораздо хуже, чем на самом деле. Почему-то. Не знаю, почему (Oxf/AHRC SPb-08, DT Passport PF-04. Ж., 1945 г.р.).

Больше всего результат поражает самих создателей своего паспортного образа (эффект во все времена примерно одинаков):

Кто-нибудь может мне дать толковое объяснение: почему фотографии на паспорт ВСЕГДА получаются уродскими?

Смотрю в зеркало: очень даже симпатичная я.

Смотрю на получившееся фото: редкое убожество с метлой на голове.

А ведь старалась, волосы укладывала, на лице здоровье рисовала.

И что? Как это понимать?⁶³

Если оставить в стороне эмоциональную оценку получившегося результата, то смысл подобных высказываний примерно таков: несмотря на все старания улучшить предполагаемое изображение (но вовсе не благодаря им), оно получается не таким, как было задумано.

⁶² Ср. показательное название статьи о визовой фотографии: Бредникова О., Запорожец О. «Расслабьтесь и постарайтесь выглядеть естественно...»: визовая фотография как искусство детали // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М., 2013. С. 359–369.

⁶³ Блог avtoledi. Запись от 6.06.2012 (<http://avtoledi.blog.ru/155343619> — Дата обращения: 24.06.2017).

Характерно, что фотографирование без «улучшения» даже не обсуждается (во всяком случае, среди женщин). При этом собственно идентификационные возможности фотографий мало заботят владельцев паспортов. Предполагается, что эта проблема относится на стадии фотографирования к компетенции фотографа, а затем — тех, кто проверяет паспорт и «устанавливает личность». Забота «оригинала» — выглядеть на фотографии «лучше», чем обычно, точнее — в соответствии с теми социально значимыми образцами, на которые он/она ориентируется. Как сложилась эта своеобразная традиция создания особого облика для «главного документа» и каким образом создавался этот «паспортный другой»?

Мы уже говорили, что фотографии в советских паспортах появились лишь через пять лет после введения самих паспортов, в 1937 г. Требования к паспортной фотографии были изложены следующим образом: «Для получения паспортов граждане представляют заявление о выдаче (форма № 1) и две фотографические карточки (одна на заявление, другая — на паспорт). Обе должны быть идентичными и достаточно четкими, в анфас, размером 3,5×3 см; получающий паспорт должен быть сфотографирован без головного убора; правый нижний угол фотокарточки должен быть светлым. В местностях, где по сохранившимся обычаям не принято фотографирование без головного убора, разрешается в порядке исключения прием для паспортов фотографических карточек с изображением получателя паспорта в головном уборе»⁶⁴.

Характер прически, выражение лица, направление взгляда, цвет одежды и прочие детали никак не регламентировались. Отсутствие официальных требований к внешнему виду и правилам фотографирования расценивалось, видимо, как результат недостаточной осведомленности, чреватой возможными неприятностями⁶⁵. Этот воображаемый пробел компенсировался неписаными правилами, которым придавался характер полуофициальных инструкций:

⁶⁴ Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 3. Л. 132. Об отказе сниматься на паспорт без головного платка среди мусульманок в современном Кыргызстане см.: *Ажибекова К. А.* Проблемы взаимoadaptации верующих и неверующих в современном мире // Вестник Кыргызско-Славянского университета. 2009. Т. 9. № 3. С. 15–18.

⁶⁵ Как пишут О. Бредникова и О. Запорожец применительно к визовой фотографии, «Малочисленность требований внезапно перестает ассоциироваться со свободой выбора и воспринимается как источник потенциальных угроз, сокрытие консульскими службами необходимой информации. Одновременно даже не очень понятные, но детальные инструкции начинают восприниматься как точка опоры, защита от возможного произвола» (*Бредникова О., Запорожец О.* «Расслабьтесь...». С. 360–361).

Инф.: *Ну тогда говорили, что строго должен быть одет, как бы не ярко, не броско.*

Соб.: *А где это могли говорить?*

Инф.: *А где говорить могли? Вот я не помню.*

Соб.: *Или просто между собой?*

Инф.: *Нет, по-моему, ведь... ну я не буду это утверждать, но мне казалось, что сначала же приглашали, заявление писал ты. И потом, значит, что: надо сфотографироваться. Ну, какие размеры фотографии. И тогда и говорили, что вот одет должен быть вот так, так. То есть что-то такое, светленький какой-то там воротничок и темненькое платье такое. Вот, вот тогда говорили (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-34-a. Ж., 1940 г.р.).*

Даже если этот сюжет вымышлен информантом, показательно стремление иметь такие правила как некую опору в пока еще новой практике. Необходимая степень их легитимации достигается тем, что они приписываются официальным лицам — например, работникам паспортных столов. Но чаще их авторство приписывалось фотографам, которые представлялись носителями необходимых официальных знаний:

Ну, фотограф, короче, знает. Ты приходишь в фотографию и говоришь: «Мне на паспорт». И они делают то, что тебе надо. Если у тебя кофточка нет такой, как надо, тебя оденут, ну, обычно, заранее узнавал, что там надо, одеваешь (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-43 Ж., 1954 г.р.).

Такого рода представления не единичны:

Ну и соответственно, когда ты приходил, говорил, что я на паспорт, то наверно [фотограф] уже усаживал там: «Смотри», — там. Ну а нам говорили: «Никаких улыбок, это должно быть как бы такое спокойное строгое лицо» (Oxf/AHRC-SPb-08 AP Passport PF-34-a. Ж., 1940 г.р.).

Само наличие каких-то требований объясняется тем, что паспортная фотография имеет особый статус, определяемый статусом паспорта. Другими словами, считалось, что такая ответственная процедура, как фотографирование на паспорт, не может не регулироваться. Здесь нужно иметь в виду, что поскольку паспорт выдавался далеко не всем (вплоть до введения Положения о паспортах 1974 г.), он являлся своего рода символом привилегированного положения, подтверждением социальной полноценности, а для

16-летних еще и своего рода сертификатом взрослости. Кроме того, паспортная фотография стала образцом для всех других документов — от комсомольского билета до партийного и военного. Как паспорт был «главным документом» советского человека, так и паспортная фотография — «главной фотографией». Ср.:

Инф.1: *По-моему, насколько я тоже помню, по-моему, была одна фотография. Причем небольшая совершенно, не так, как сейчас вот.*

Инф.2: *Нет, это абсолютно точно. Маленькая одна фотография, вот на всю жизнь, на всю.*

Инф.1: *Потому что стандарт был три на четыре. Вот этот тогда стандарт этих фотографий был. Потому что на все нужна была такая фотография. Записываешься ли ты в библиотеку, вот, или ты в это самое — все три на четыре (Oxf/АНRC-SPb-08 АП Passport PF-35. Инф. 1 М., 1939; инф. 2 Ж., 1946 г.р.).*

Информант ошибся в размере, но верно подметил, что паспортная фотография задала стандарт документной фотографии в целом. Не случайно свои паспортные фотографии многие хорошо помнят, даже если прошло немало лет, а для детей и внуков эти «карточки» входят в число самых ярких свидетельств времени.

Из молодости моих родителей, жизни бабушек и дедушек пришло очень мало фотографий, их можно пересчитать по пальцам. Большая часть — это как раз фото на документы. Уверен, в каждой семье есть маленькие карточки с портретами их предков. К фотографии в то время относились с почтением, готовились заранее, да и фотограф был почти волшебником. Фото на документы тех времён полны художественности, их хранят и показывают как память⁶⁶.

Паспортные фотографии не просто помнят, но и подчеркивают их особый характер:

Инф.: *Ну, в принципе, фотография на паспорт особенная, необычная, нужно обязательно, чтобы был, э, присутствовал светлая блузка и темный пиджак.*

Соб.: *И темный пиджак?*

⁶⁶ Сафин А. «Больше не стесняюсь показывать паспорт, я там красивая» // Фототочка (<http://fototochka.net/archives/823> — Дата обращения: 17.04.2017).

Инф.: Да.

Соб.: И блузка и пиджак, да?

Инф.: Да, да, потому что там, где я фотографировалась, там даже висел пиджак на всякий пожарный случай, что можно одеть, если у тебя нет, и сфотографироваться (Oxf/АНRC SPb-10, MM Passport PF-46. Ж., 1951 г.р.).

Судя по подобным высказываниям, можно подумать, что вся необычность паспортной фотографии заключается в том, что человек фотографируется в другой, неповседневной и строгой одежде (блузка, темный пиджак), но вместе с тем такая одежда довольно однозначно указывала на официальный контекст. Иными словами, главная особенность паспортной фотографии виделась в ее непременно официальном характере.

В другом интервью тема официального раскрывается несколько полнее:

Инф.: ...раз идешь [фотографироваться] на паспорт, значит, как бы и одета... ну не в яркое что-то такое, и выражение лица строгое должно быть, никаких улыбок как бы. Как бы это уже в крови было. Раз паспорт, значит, полный... полный официоз. [смеется]

Соб.: Получается, это заранее человек знает.

Инф.: Ну конечно. Да, заранее, потому что паспорт — это все, соответственно, да, по форме должно быть. Как принято (Oxf/АНRC-SPb-08 AP Passport PF-34-а. Ж., 1940 г.р.).

Здесь упоминается не только специальная одежда («не яркая»), но и выражение лица: «строгое должно быть, никаких улыбок», что никакими правилами не прописано, но «это уже в крови было». А все вместе описывается простым выражением «по форме» с замечательным переводом: «как принято». Это «как принято» — одна из ключевых формул советского образа жизни, существенной составляющей которого являются разнообразные практики, связанные с паспортом. В этих практиках было «принято» репрезентировать себя исключительно официальным образом, не допускающим улыбок: совсем как на паспортной фотографии.

Требование «строгой» темной одежды могло исходить и от фотографов, которые руководствовались другими соображениями: темные кофта или пиджак нужны были для контраста на светлом фоне. Но таким же образом мотивировался темный цвет одежды некоторыми фотографирующимися, которые ориентировались не на «официоз», а на «красоту»:

Ну, да, конечно, старались как-то поаккуратней там, чтобы голова была аккуратно причесана обязательно что-нибудь такое вот, ну, кофточка какая-нибудь не сливалась бы с белым фоном, а потемней вот так, чтоб выделялось все, да, аккуратненько очень. Идешь и, в общем, как-то так хочется, ну, покрасивей быть (Oxf/AHRC SPb-09, MM Passport PF-39. Ж., 1940 г.р.).

Поскольку паспортная фотография особенная, подготовке к фотографированию уделяется особое внимание. Как уже видно по приведенным фрагментам интервью, подготовка включает главным образом выбор подходящей к случаю одежды, а женщины отмечают еще прическу и макияж. Задача и в самом деле нетривиальная, поскольку желания и предполагаемые требования не очень сочетались. Всем хотелось выглядеть на фотографии «красиво», но при этом негласные правила предписывали строгую одежду и соответствующую прическу.

Инф.: *Фотография, хотелось, чтобы быть красивой, чтобы... одевали почему-то что-то темненькое, чтобы все было закрытое. Да, что это серьезно.*

Соб.: *А прическа там?*

Инф.: *Ну, прическу, прическу никакую-то невычурную, а, ну...*

Соб.: *Ну, скромную?*

Инф.: *Ну, скромную, да. Мы вообще поколение скромное были (Oxf/AHRC SPb-08, MM Passport PF-36. Ж., 1940 г.р.).*

Любопытно, что если для современной паспортной и особенно визовой фотографии требуется своего рода «обнажение сущности», что предполагает снятие всех «культурных наслоений» (очки, украшения, головные уборы)⁶⁷, то для советской паспортной фотографии важной оказывалась «доработка» своего облика до уровня значимых образцов, реестр которых открывался обобщенным образом советского человека, в облике которого должны просматриваться такие черты, как скромность, сдержанность, аккуратность и т. п. Кстати, само наличие идеологической составляющей фотографии с явным морализаторским подтекстом (как принято и как не принято выглядеть) до некоторой степени объясняет разрешение оставлять головные уборы «в порядке исключения» в мест-

⁶⁷ Бредникова О., Запорожец О. «Расслабьтесь...» С. 361.

ностях, где не принято было появляться без головных уборов⁶⁸. Это разрешение входило в противоречие с задачей идентификации, для чего требовалось максимально открытое лицо, но победили соображения идеологического толка, которые сейчас воспринимаются скорее как этические.

Максимальная открытость лица сочетается, как правило, с требованием столь же полной закрытости тела.

Соб.: *А как нужно было выглядеть? Как-то по-особенному?*

Инф.: *Ну, вот так бы вот нельзя было.*

Соб.: *С распущенными волосами, да?*

Инф.: *Нельзя, да, подобрано все, аккуратно должно быть.*

Соб.: *Аккуратно? Скрамно?*

Инф.: *Скрамно.*

Соб.: *Без всяких там сережек?*

Инф.: *Вот, без, ну, сережки-то можно было, ну, вот оголенно нельзя, нужно обязательно, чтоб было вот тут вот воротничок какой-то (Oxf/АНRC SPb-10, MM Passport PF-44. Инф. 1 Ж., 1947 г.р.).*

Даже намек на «оголенность» был неприемлем — отсюда подчеркнутое внимание к воротнику или галстуку, которые обеспечивали необходимую степень «официальности», но и закрытости. Нерелевантность тела паспортной фотографии может приводить к ощущению, что на ней нет не только нижней части, но и элементов верхней, например плеча.

Ну, оденесси <...> как-то поприличней, почище, только вот без плеча без одного. А на это место, где плеча нет, печать ставят. Ставилась печать. Вот, ты распишишься, и там, это, паспорт-

⁶⁸ Эта привилегия обсуждалась и, разумеется, осуждалась:

...добились вот эти... мусульмане, фотографироваться не так, как все. Все-таки государство пошло на поводу у религиозных вот этих... конфессий, будем так говорить. Ну, хорошо — этот хочет в хиджабе, этот говорит — я без тубетейки не буду фотографироваться, правильно? А третий, дядя Вася, еще как-то. А я только в очках хочу. А вот тут как раз наступает дискриминация. А почему нет? А почему ему можно, а мне — нет? Тогда, по этой логике если пойти, нужно позволить всем фотографироваться на паспорт как им нравится. Не устанавливать какие-то правила для этого... Пойдем с другой стороны к этому вопросу. Например, я имею паспорт свой, с нормальной фотографией и всё тому подобное — хочу скрыться. Сделать другое лицо. Я его делаю — другое лицо, и всё. Загримироваться или побриться... побрить голову, одеть тубетейку, отрастить вот такую бороду... Но даже при бороде и всем остальном можно определить форму черепа. А вот когда вот это всё закрыто, открыто только лицо, форму уже не... (Oxf/АНRC-SPb-08 AK Passport PF-29. М., 1957 г.р.).

тистка распишется, и ты внизу распишешься. И как раз тут в фотокарточке печать ставится, фотокарточка и подпись, печать все это заверялось (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-42. М., 1936 г.р.).

Еще один парадокс паспортной фотографии заключается в том, что все рассказы о ней концентрируются главным образом вокруг одежды, но как раз ее практически не видно на фотографии. В лучшем случае на крохотной фотографии видны кусочек воротника и одно плечо. Те информанты, кто не был озабочен тем, чтобы «одеться красиво», и знали особенности паспортной фотографии, отмечали это обстоятельство:

Соб.: *А одежда какая-то там особенная?*

Инф.: *Ну, какая... Да нет, не было значения, какая одежда.*

Соб.: *То есть любая?*

Инф.: *Да. Там одежды практически не видно было (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-47. М., 1951 г.р.).*

Ср. в другом интервью о висящем у фотографа дежурном пиджаке:

Соб.: *А если тебе не по плечу?*

Инф.: *Ну, а что? Тебе только вот так вот, чтобы фон создать (Oxf/AHRC SPb-10, MM Passport PF-46. Ж., 1951 г.р.).*

Регламентация распространялась и на выражение лица. Основное требование можно было бы сформулировать как недопущение «избыточной мимики»:

Я помню, как я удивилась, когда первый раз увидела иностранный паспорт — у нас же были черно-белые фотографии... а там цветная фотография, человек смеется. Улыбается от уха до уха. Вот эта улыбка меня поразила больше всего. Потому что, чтоб человек на паспорте улыбался, я никогда в жизни не видела (Ж., 1967 г.р. — устное сообщение).

В заметке Ларисы Басовой о получении паспорта приводится такой случай: «В свое время в России, при получении малолетней дочерью загранпаспорта, ОВИР забраковал фотографию слишком радостной девочки. Пришлось снова идти к тому же фотографу,

просить его переделать свою работу и не смешить больше ребенка. “Не может радоваться человек, покидающий Родину”, — сострил мастер. Фотографию полуиспуганной девочки в ОВИРе приняли»⁶⁹.

Любопытно, что появляющийся в некоторых интервью мотив узнавания имеет иной смысл. По мнению информантов-женщин, достижение эффекта узнавания гарантировано в том случае, если фотография получится красивой и, соответственно, понравится.

Соб.: *То есть важно было, чтобы красиво?*

Инф.: *Да, важно было, потому что это лицо, паспорт — это лицо твое. Это, хотелось, чтобы ты там была и чтобы тебя там все узнавали [смеется]* (Oxf/AHRC SPb-08, MM Passport PF-36. Ж., 1940 г.р.).

Такое «узнавание» перекликается с официальной идентификацией благодаря установленному сроку годности паспорта, основанному на официальных представлениях о сроке накопления изменений, которые меняют облик человека до неузнаваемости. Общая тенденция — увеличение этого срока. Первые паспорта выдавались на три года; по Положению 1940 г. — на 5 лет. Паспорта образца 1953 г. выдавались на 10 лет, после чего подлежали обмену; паспорта образца 1974 г. были бессрочными, но по достижении владельцем возраста 25 и 45 лет вклеивались новые фотографии. Таким образом, получается, что срок возможности узнавания постоянно увеличивается, и это заставляет задуматься об актуальности идентификационных стратегий для паспорта вообще и

⁶⁹ Басова Л. Моя краснокожая паспортница // Комсомольская правда. 2008. 13 дек. Приведу еще одну историю: «Около года назад на страницах родной газеты прочитал отчет о забавном эксперименте: обозреватель Людмила Столяренко рискнула улыбнуться во всю ширь официальной фотографии (анфас, 35×45, черно-белая, без головного убора), которую вклеивают в наши все еще серпастые-молоткастые паспорта “по достижении гражданами 25-летнего и 45-летнего возраста”. Напомню: к изумлению читателей и самой Людмилы, ее черно-белый фас с улыбкой, без головного убора, не вызвал никаких возражений у начальника паспортного стола и был торжественно водворен на положенное место в паспорте. Поздравив коллегу с удачной идеей, я тогда же напомнил ей, что эксперимент считается научным фактом, если его можно воспроизвести. И в связи с надвигавшимся на меня сорокапятилетием пообещал проэкспериментировать на себе, как это принято среди настоящих исследователей. <...> Оказалось, дело совсем не в том, чтоб убедить фотографа запечатлеть улыбку на официальной фотографии, и не в чувстве юмора работников паспортного стола. Дело в том, что улыбнуться никак не получается» (Бунимович Е. От улыбки станет веселей? Невеселая фотохроника одной жизни // Новая газета. 2000. 4 мая. № 17).

паспортной фотографии в частности — ср. полугодовой срок пригодности визовых фотографий⁷⁰. Так или иначе, комплекс представлений, связанных с паспортной фотографией, включает и официальные требования, в частности регламентирующие срок жизни паспортной фотографии.

Через многие воспоминания о паспортной фотографии референном проходят необходимые, как считалось, характеристики: выражение лица должно быть «строгим и спокойным». Строгость понимается как отсутствие эмоций и сосредоточенность, осознание важности и даже торжественности момента. Строгость — требование к самому себе соответствовать ситуации — своего рода настройка на общую волну. Спокойствие — внешнее предписание. Характерно, что требование «сделать лицо спокойным» (как и другие требования) обычно исходит от фотографа и ориентировано на возможность последующей идентификации, забота о которой ему делегирована «общественным мнением» (современный эквивалент «спокойного лица» — «естественное выражение лица»).

Роль фотографа в этой процедуре весьма значительна. Фотограф напоминает фигуру ритуального специалиста. От него исходят правила, ему делегируется в какой-то степени роль представителя власти. Само фотографирование представляется своего рода ритуалом воспроизводства паспортной идентичности. Если рассматривать фотографирование как ритуал, то, как и в «настоящем ритуале», само фотографирование далеко не на первом месте⁷¹. Главное — подготовка к нему.

Как мы видим, основные смыслы паспортной фотографии для получателей паспорта концентрируются вокруг необходимых с их точки зрения особенностей визуальной презентации себя в официальном публичном пространстве. Такая презентация совершается в процессе своего рода диалога со сферой воображаемого официального, в котором человек делегирует «партнеру» ведущую роль, конструируя от его имени правила, которым сам и подчиняется. Эти правила являются результатом рефлексии над тем, что условно можно было бы назвать «логикой общепринятого» в отношениях с государством.

⁷⁰ Бредникова О., Запорожец О. «Расслабьтесь...» С. 363.

⁷¹ Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 38–39.

Паспортные фотографии

Парадоксальность этой ситуации провоцирует очевидное несоответствие в целях фотографирования: предполагаемый для документа идентификационный смысл фотографии практически никак не согласуется с конструируемой идентичностью владельца паспорта, ориентированной на групповую идентичность (на «общепринятое» для данной группы)⁷². Это расхождение имеет продолжение в конкретных деталях (ср. хотя бы оборачивающееся разочарованием желание выглядеть «лучше», «красивее», «взрослее» и т. д., или гипертрофированное внимание к одежде, которая оказывается незаметной на маленькой фотографии). При фотографировании на паспорт «делается лицо», которому более всего подходит определение «официальная парадность». Такое лицо мало кому подходит. Получавшийся в результате снимок обретал черты, позволяющие безошибочно узнавать в нем советскую фотографию на паспорт. Впрочем, не только фотографию, но и сам паспорт. Не случайно именно к советскому паспорту относится распространенная шутка: «если фотоальбомчик маленький и тоненький, а фотография одна и страшенькая, то это паспорт».

Как подписать?

Любая подпись хочет, чтобы ее считали автографом.

Сергей Довлатов

Судя по имеющимся материалам, именно подпись и, естественно, фотография являются главными объектами рефлексии владельцев паспортов. И это, конечно, тоже не случайно: как уже сказано, только подпись (и в какой-то мере фотография) являются «личным вкладом» человека в этот документ. При выдаче паспорта этим реквизитам придают особое внимание сотрудники милиции, поскольку по ним удостоверяется личность владельца

⁷² По мнению П. Бурдьё, даже самые, казалось бы «естественные», заурядные фотографии выражают групповые нормы и ценности (*Bourdieu P. Photography: A Middlebrow Art. Oxford: Polity Press, 1998. P. 6–7*). Об особенностях фотографии в пространстве властных отношений см.: *Абашин С. Н. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. № 84 (4/2012) (<http://www.nlobooks.ru/node/2586> — Дата обращения: 17.04.2017)*.